

Едва наступил час суй (19:00-21:00), на улице Личжэнь уже почти не оставалось прохожих. Послышался стук копыт, приближающийся издалека, и наконец он остановился у боковых ворот одного из домов.

Слуга спешился и постучал в ворота.

— Быстро открывайте, вернулся седьмой молодой господин!

Ворота со скрипом открылись, и Лю Сюнь слез с лошади, бросив кнут Дэбао.

— Жди здесь.

Лю Сюнь, хотя и не достиг совершеннолетия, уже имел рост взрослого мужчины, хотя и выглядел несколько стройным. На нём было одеяние с узкими рукавами цвета осенней листвы, украшенное вышивкой «Холодная река течёт на север, единорог стоит на голове дракона», с поясом, усыпанным драгоценными камнями. Его волосы, заплетённые от висков до макушки, были увенчаны головным убором с жемчугом, а лоб украшал широкий пояс цвета осенней листвы с вышивкой «Два дракона, играющих с жемчужиной».

Он только что вернулся с встречи с друзьями, выпив пару чашек вина. Его лицо, напоминающее нефрит, с розовыми щеками и глазами, полными обаяния, излучало элегантность и изысканность. Привратник, едва взглянув на него, тут же склонился в поклоне, подумав про себя, что седьмой молодой господин с каждым днём всё больше напоминает небожителя, затмевая всех остальных молодых господ. Жаль только...

Лю Сюнь уверенно шагнул вперёд, а Дэбао вынул из-за пазухи маленький кошелёк и передал его ночному привратнику. Тот, сжимая кошелёк в руке, радостно улыбнулся. Что ж, пятая ветвь семьи всегда была самой щедрой. Седьмой молодой господин, сидящий на горе золота и серебра, возможно, в будущем окажется ещё более выгодным, чем остальные.

В доме маркиза, естественно, горели яркие огни. Пройдя длинный коридор и свернув за угол, он подошёл к воротам с резными цветами, которые в этот момент были плотно закрыты. Лю Сюнь постучал.

Сторожиха тихо спросила, кто это.

— Это я, — ответил Лю Сюнь.

Ворота открылись.

— Седьмой молодой господин пришёл, — не слишком радостно произнесла сторожевка.

Лю Сюнь не обратил на это внимания, пройдя через ворота и направившись в восточный двор главного дома, где жила настоящая хозяйка дома — супруга герцога первого ранга, матушка Лю (урождённая Юань), бабушка Лю Сюня.

Он остановился во дворе, ожидая, пока его представят. Вскоре вышла служанка, слегка извиняясь, и поклонилась Лю Сюню.

— Сегодня вечером бабушка чувствует себя не очень хорошо, поэтому рано легла спать и сейчас не может встать. Она знает о вашей заботе, седьмой молодой господин, и просит вас отдохнуть и завтра снова прийти.

— Бабушка плохо себя чувствует? Вызывали ли врача? Если врач не может определить причину, нужно срочно отправить письмо и пригласить придворного лекаря, — с беспокойством спросил Лю Сюнь.

— У неё просто немного стеснение в груди, но после приема порошка успокоения, который дал придворный лекарь, ей стало намного лучше, — ответила служанка.

— В таком случае я не буду мешать бабушке отдыхать, — Лю Сюнь глубоко поклонился в сторону комнаты бабушки. — Я завтра снова приду.

Он быстро вышел через боковые ворота, вскочил на лошадь и поскакал. Когда он подъехал к чёрным воротам на востоке, в городе только начали бить барабаны, объявляя о начале ночного комендантского часа.

Чёрные ворота открылись без необходимости звать. Привратник, улыбаясь, подошёл вперёд.

— Седьмой молодой господин вернулся. Служанки от госпожи уже спрашивали дважды.

Лю Сюнь кивнул, а Дэбао отвел их лошадей в конюшню, после чего он направился в покои матери.

Дом маркиза был большим и богатым, но после смерти предыдущего герцога Чжэньго матушка Лю не разрешила сыновьям разделить имущество. Все пятеро сыновей, как законные, так и побочные, продолжали жить в доме маркиза. У каждого были свои дети, и жить становилось всё теснее.

Отец Лю Сюня был пятым сыном, младшим и побочным. Его двор был не самым лучшим, а жена — дочерью торговца. Однако, будучи дочерью торговца, она была практичной и, оказавшись в отдалённом уголке, просто купила соседние дворы, объединив их в один. Теперь у них был отдельный вход, и жили они комфортнее, чем остальные ветви семьи.

В покоях горел свет, и едва Лю Сюнь появился у ворот двора, как служанки начали передавать весть о его прибытии. Когда он вошёл в комнаты, горячая вода для умывания и разнообразные ночные закуски уже были готовы.

— Мой сын, ты опять вернулся в последний момент, — сказала мать Лю Сюня, госпожа Цяо, урождённая из семьи Цзиньшан, которой уже исполнился сорок один год, но она выглядела как тридцатилетняя красавица, полная жизненных сил. На ней было домашнее платье ярко-красного цвета с вышитыми журавлями и юбка цвета небесной лазури, украшенная жемчужинами, которые сверкали при каждом движении. Её волосы были собраны в свободный пучок, украшенный нефритовой шпилькой.

— Папа вернулся? — спросил Лю Сюнь, принимая полотенце, чтобы вытереть руки. — Я сначала переоденусь, чтобы не беспокоить маму запахом.

Лю Сюнь переоделся за ширмой в соседней комнате. Он всегда не любил, чтобы молодые служанки ему прислуживали, поэтому его няня помогала ему сменить одежду. На нём было простое платье лунного цвета, а волосы, сняв головной убор, он закрепил шпилькой из белого нефрита.

— Дорогой, тебе всё же больше идёт ярко-красное, — сказала госпожа Цяо, поправляя воротник сына. — Эти цвета осенней листвы и лунного света выглядят грязновато и не добавляют тебе бодрости.

— Сейчас я учусь, поэтому должен одеваться более скромно, — улыбнулся Лю Сюнь. — Когда я стану постарше, буду носить даосские одеяния каждый день.

— Ты будешь выглядеть великолепно в даосских одеяниях, — воодушевилась госпожа Цяо, представляя это. — Сразу же велю служанкам сшить тебе новую одежду.

— Пока подождём, — сказал Лю Сюнь. — Папа терпеть не может даосские одеяния.

— У него такой круглый живот, как он может любить даосские одеяния? — засмеялась госпожа Цяо. — Ему больше подходит одежда землевладельца. Он опять пошёл пить с коллегами. Завтра я повышу зарплату его носильщикам, ведь им приходится таскать его каждый день.

— Папа, наверное, расстроится, — улыбнулся Лю Сюнь. — В Приказе церемоний всегда есть несколько толстяков, и он, сопровождая их, вынужден много есть.

Госпожа Цяо начала накладывать еду для сына. Его отец, уходя пить, хотя бы мог насладиться хорошим мясом, а сын, встречаясь с учёными, иногда довольствовался лишь несколькими орешками и сухими пирожными. Обычно они просто поднимали бокалы и читали стихи, запивая их вином.

Когда Дэдэр впервые рассказал ей об этом, она чуть не разрыдалась от жалости. К сожалению, она не могла всё время позволять сыну угощать других. Многие учёные были слишком горды, и сын, будучи знатным, должен был быть осторожным, чтобы не прослыть высокомерным.

Лю Сюнь, видя, как мать смотрит на него с жалостью, промолчал. Не так уж много учёных хотели с ним общаться, и те, кто приглашал его, конечно, не были бедными. Дэдэр говорил, что они ели цветы, но на самом деле это были засахаренные цветы, и это было частью изысканного стиля. Хотя и не слишком вкусно.

Лю Сюнь знал, что, даже если он объяснит, мать всё равно будет считать, что он страдает, поэтому он просто молча принял за еду. Позже он заставит Дэдэра переписать три раза «Лунь Юй».

— Ты сегодня видел бабушку? — спросила госпожа Цяо, когда Лю Сюнь закончил есть.

Служанки убрали посуду и подали нарезанные фрукты и ароматный чай.

— Нет, сказали, что она плохо себя чувствует и рано легла спать, — ответил Лю Сюнь.

— Она действительно не в порядке. Сегодня третья ветвь снова вызывала врача. Старший брат с тех пор, как вышел из экзаменационного двора, не вставал с постели. Ты же каждый день скачешь туда-сюда, и бабушке это, конечно, бросается в глаза, — сказала госпожа Цяо.

— Через пару дней объявят результаты, — сказал Лю Сюнь.

— Независимо от того, сдал ты или нет, мой сын в сто раз лучше него. Он получил место благодаря семейным связям, с детства учился у лучших учителей, но за десять лет так и не смог сдать экзамены. Ты же начал с уездных экзаменов и смог поступить в экзаменационный двор в тот же год, что и он, — сказала госпожа Цяо. — С тех пор, как ты решил сдавать экзамены, госпожа третьей ветви не раз издевалась надо мной. Теперь она больше не хвастается, что её сын усердно учится каждый день. Наверное, она уже поняла, что ничего хорошего не выйдет.

— Не стоит обращать на неё внимание. Я сдаю экзамены не для того, чтобы досаждать ему, — сказал Лю Сюнь.

— Я знаю, — вдруг госпожа Цяо прикрыла лицо платком. — Всё ради твоего старшего брата. Мы с отцом бесполезны, и ты страдаешь из-за нас.

— Ох, мама, что ты опять плачешь, — сказал Лю Сюнь. — Я сдаю экзамены, чтобы стать высокопоставленным чиновником и получить для тебя титул. Тогда на дворцовых приёмах ты будешь стоять перед госпожой третьей ветви и досаждать ей.

Госпожа Цяо вспомнила о старшем сыне, и ей стало горько. Лю Сюнь понял, что сказал что-то не то, и, как ребёнок, стал дёргать мать за рукав, раскачиваясь.

— Дорогая мама, пожалуйста, люби меня. Если папа узнает, что я снова заставил тебя плакать, он лишит меня карманных денег.

— Он не посмеет, — строго сказала госпожа Цяо. — У него самого нет денег, чтобы лишать тебя карманных. Его карманные деньги я выдаю.

— Мама, ты великолепна, — подлизывался Лю Сюнь, наконец заставив госпожу Цяо улыбнуться.

После того как он развеселил мать, Лю Сюнь вернулся в свой двор, где Дэдэр уже ждал у ворот, повторяя «мой господин» и изображая преданного слугу.

Дэдэр был слугой Лю Сюня с детства, сопровождал его на банкеты. В тот раз, когда на тарелках была скудная еда, он рассказал об этом госпоже Цяо, и она расспросила его.

В результате Лю Сюнь разозлился, не только не взял его с собой в следующий раз, но и заставил переписать пять раз «Лунь Юй». Хотя текст и не длинный, но переписывание — это не самое приятное занятие.

Теперь Дэдэр старался изо всех сил, надеясь, что господин сократит его наказание. Он принёс горячую воду, чтобы Лю Сюнь мог помыть ноги, расчесал его волосы, зажёл несколько свечей и приготовил книги и сладости.

Лю Сюнь, опершись на подушку, листал книгу и ел сладости. Он с детства любил сладкое, и без него не мог уснуть.

<http://bllate.org/book/16147/1445998>